

Музыка и судьба

Boris TABURETKIN
Cornet-a-pistons knight
D. I. Ginetsinsky
(on the 100th anniversary of his birth)

The article is dedicated to the anniversary — the centenary of the birth — of an outstanding cornet player, soloist of the Kirov (Mariinsky) Theater Daniil Ginetsinsky (1919–2010). The author, who worked with D. I. Ginetsinsky in the theater's orchestra for about 15 years, describes life and career of a prominent musician, and also shares personal memories of him.

Keywords: D. I. Ginetsinsky, A. B. Gordon, A. N. Shmidt, O. Böhme, E. Trognée, T. A. Dokschtzer, L. G. Yuryev, S. N. Yeryomin, cornet-a-pistons, the Kirov (Mariinsky) Theater, the Leningrad Conservatory.

Борис ТАБУРЕТКИН
Рыцарь корнет-а-пистона
Д. И. Гинецинский
(к 100-летию со дня рождения)

Статья посвящается юбилею — столетию со дня рождения — выдающегося корнетиста, солиста оркестра Кировского (Мариинского) театра Даниила Ильича Гинецинского (1919–2010). Автор, проработавший с Д. И. Гинецинским в оркестре театра около 15 лет, описывает жизненный и творческий путь большого музыканта, а также делится личными воспоминаниями о нем.

Ключевые слова: Д. И. Гинецинский, А. Б. Гордон, А. Н. Шмидт, О. Бёме, Э. Тронье, Т. А. Докшицер, Л. Г. Юрьев, С. Н. Ерёмин, корнет-а-пистон, Кировский (Мариинский) театр, Ленинградская консерватория.

Музыкальная история Санкт-Петербурга — Петрограда — Ленинграда и вновь Петербурга хранит в своей памяти огромное количество музыкантов, творивших эту богатейшую историю. В многочисленном легионе композиторов, дирижеров, пианистов, струнников, певцов число духовиков будет несопоставимо меньшим. Еще более узкий круг музыкантов представляют собой исполнители на медных духовых инструментах. И те из них, кто своей деятельностью оставил яркий след в памяти потомков, заслужил самое почетное место на скрижалях истории. Особое место в этой галерее имен принадлежит Даниилу Ильичу Гинецинскому — солисту-корнетисту оркестра Мариинского театра, проработавшему в прославленном коллективе почти полвека, с 1939 по 1988 год.

Медная группа оркестра театра, как и другие группы, исторически формировалась из музыкантов Германии, Чехии, других европейских стран. С конца XIX — начала XX столетия отечественные музыканты

стали постепенно проникать в священные музыкальные чертоги. По воспоминаниям известного советского дирижера А. В. Гаука, оркестр Мариинского театра той поры являлся одним из лучших в Европе. В своих автобиографических воспоминаниях он писал о впечатлениях от услышанного в 1910 году спектакля «Пиковая дама» под управлением Э. Ф. Направника: «ни до, ни после этого подобного звучания оркестра я никогда не слышал». В группе труб и корнетов работали звезды мирового масштаба — Эмиль Тронье, Оскар Бёме, Александр Лемос, Александр Гордон. Когда же их карьера подошла к естественному завершению, им на смену потребовалась новая когорта музыкантов, способная держать эту высокую исполнительскую планку. И такие нашлись! В 1939 году двадцатилетний корнетист, ученик профессора А. Б. Гордона Даниил Гинецинский выигрывает право занять вакансию первого корнета, исполнив на конкурсе Концерт Оскара Бёме (ушедшего из жизни в октябре 1938 года).

Рыцарь корнет-а-пистона Д. И. Гинецинский

Что же предшествовало этому замечательному событию?

Даниил Ильич Гинецинский родился 14 марта 1919 года в Вологде, в семье основателя и первого директора музыкального училища Ильи Григорьевича Гинецинского. Его мама, пианистка, преподаватель того же училища Лидия Владимировна Сокальская была очень образованным человеком, выпускницей Московской консерватории по классу Александра Гедике. В доме постоянно звучала музыка, так как мать проводила репетиции с оперными певцами. Отец видел в сыне скрипача и уже с трех-четырёх лет начал с ним заниматься. Сам Илья Григорьевич был великолепным скрипачом, окончив Петербургскую консерваторию по классу Леопольда Ауэра. Родители хотели дать сыну настоящее европейское образование, привить хорошие манеры, обучить иностранным языкам и даже пригласили для этого гувернантку, мадам Мюсоро. Но неугомонный мальчик часто убегал от назойливой гувернантки, предпочитая беседы с православным священником, отцом Иоанном, жившим неподалеку. Более же всего интересовали юного Даню духовые инструменты, которые он часто видел дома лежащими на крышке рояля. Их привозил из различных командировок отец для формирования оркестра училища.

Выбор корнета из многообразия духовых определил судьбу почти на век вперед. Первыми педагогами талантливого мальчика стали два сосланных в Вологду трубача — Лев Захарович Рафалович и Владимир Поликарпович Чайковский. Позже Даниил Ильич в своих воспоминаниях об этих людях отмечал, что оба производили на него сильное впечатление безупречным владением инструментом. Рафалович играл в оркестре у отца, а после отбытия ссылки работал в Донецком оперном театре, исполняя партию первой трубы, часто выступая под управлением Натана Рахлина.

Музыкальная жизнь Вологды тех лет была достаточно насыщенной. Например, силами учащихся и педагогов училища была осуществлена постановка оперы Н. А. Римского-Корсакова «Царская невеста». В такой атмосфере талант юного корнетиста развивался стремительными темпами. И когда к середине 1930-х годов встал вопрос о дальнейшем обучении в Ленинграде, то на суд авторитетных педагогов явился уже вполне сформированный юный музыкант, готовый к решению самых сложных исполнительских задач. Этому в большой степени способствовало и то, что Даниил с одинаковым усердием овладевал корнетом и скрипкой. В музыкальном училище при Ленинградской консерватории он стал заниматься по классу трубы у В. Агафонова, а по классу скрипки — у М. М. Белякова. Но особую помощь и участие оказывал талантливому юноше в эти годы замечательный трубач и человек, артист оркестра Ленинградской филармонии Карл Кондратьевич Штейнмиллер.



Оглядываясь сейчас на 30-е годы прошлого столетия, обозревая музыкальную жизнь города и, конкретно, деятельность трубачей тех времен, нужно отметить, что именно в те годы состоялась историческая смычка двух поколений трубачей — петербургского и ленинградского, своеобразная передача эстафеты. Великие представители старой школы, о которых уже упоминалось в начале статьи — Оскар Бёме, Эмиль Тронье, Александр Бернгардович Гордон, — еще жили и творили в городе, но их карьера подходила к концу, а в это время начинали свой путь будущие солисты оркестров и профессора — Вениамин Савельевич Марголин, Юрий Андреевич Большианов, Михаил Николаевич Свешников, Даниил Ильич Гинецинский. И совсем не важно, что почти никто из них не занимался лично у этих великих мастеров, но присутствие их в Ленинграде той поры создавало неповторимую ауру, порождало у молодых стремление достичь подобных высот и дерзнуть их превзойти.

В 1935 году Даниил Гинецинский поступил в Ленинградскую консерваторию в класс А. Б. Гордона. Но этому предшествовал период, когда в течение нескольких лет талантливому юноше пришлось поработать в разном качестве. Первым местом работы стал для него маленький оркестр в ресторане Московского вокзала. Можно вообразить, какой репертуар был востребован посетителями и давал музыканту повышенный заработок. Почти как в известном фильме: «это каждый может, ты мне „Мурку“ сыграй!» Но, порой, именно в таких условиях и проявляется настоящий талант. Абсолютный слух, потрясающая память, отменный вкус — на основе этих, столь нужных музыканту качеств Даниил Гинецинский нарабатывал профессиональную хватку, умение варьировать различные приемы игры.

В те годы многие хорошие музыканты работали в разнообразных маленьких коллективах при киноте-

атрах, драматических театрах, на эстраде. Покинувший театр в 1927 году Эмиль Тронье, например, перешел в небольшой оркестр кинотеатра, под игру которого демонстрировались немые фильмы. Забегая намного вперед, сообщу, что до самого конца своей работы в театре, в 1970–1980-х годах Даниил Ильич, уже находясь в почтенном возрасте, не гнушался два раза в год — 1 мая и 7 ноября — пройти с оркестром, как правило, в составе не более десяти музыкантов, как говорилось, «в праздничных колоннах трудящихся». Исполнялся известный репертуар: марши «Прощание славянки», «Москва майская», «Всё выше!», «Триумф победителей», «Фронтовик» и прочие соответствующие событию произведения. Всё это игралось наизусть, на большом подъеме. (Свидетельствую как партнер Даниила Ильича в этих мероприятиях. Имел такую честь! — Б. Т.)

Интересно также переплетение биографий Даниила Гинецинского и знаменитого Оскара Бёме. Оставив службу в Мариинском театре, Бёме с 1930 по 1934 год работал в оркестре Большого драматического театра (ныне АБДТ имени Г. А. Товстоногова). После того, как в 1935 году Бёме сослали из Ленинграда в Чкалов (ныне Оренбург), его место в оркестре театра занял Гинецинский. Неудивительно, что не без влияния Бёме и Тронье у Даниила Гинецинского зародилась страсть к благородному композиторскому ремеслу — страсть, которой он остался верен на протяжении всей своей долгой жизни.

С поступлением в 1939 году в оркестр Кировского театра в профессиональной жизни Гинецинского начался главный этап. Театр на полвека стал для него родным домом и в то же время храмом, наполненным встречами с великими людьми и великим искусством. Сразу после прохождения конкурса молодой музыкант окунулся в работу над балетом Сергея Прокофьева «Ромео и Джульетта». Премьеру готовили по рукописным нотам в присутствии автора на репетициях. Партия первого корнета в этой партитуре и сейчас требует от исполнителя особой подготовки, фрагменты партии на все времена вошли в хрестоматийные примеры «оркестровых трудностей». Даниил Ильич вспоминал, как нелегко воспринимали старые музыканты новый музыкальный язык. Многие считали, что спектакль не продержится и нескольких представлений, что балет не примет нетрадиционную хореографию. Его Величество Время расставило всё по своим местам!



Т. А. Докшицер на занятии с профессором М. И. Табаковым. Надпись: «Дорогому и симпатичному коллеге-пистонисту Даниилу Ильичу Гинецинскому. Докшицер. 2/XII-57»

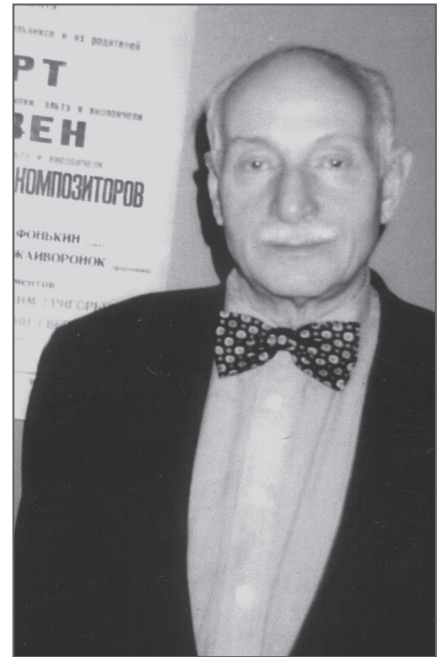
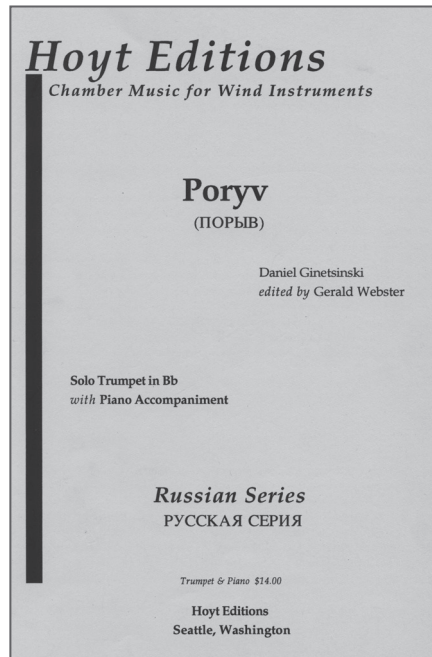
Перед войной, весной 1941 года состоялся Всесоюзный конкурс музыкантов-исполнителей на духовых инструментах. Гинецинский на этом конкурсе был удостоен звания Дипломанта, и там же произошла его первая встреча с Тимофеем Докшицером, величайшим трубочом XX века, его постоянным визави и коллегой, занимавшим аналогичный пост первого корнетиста в Большом театре. Всю дальнейшую жизнь их связывали самые теплые дружеские отношения и чувство взаимного уважения. Большими и преданными друзьями Даниила Ильича были также и другие отличные коллеги. Особо теплые дружеские отношения сложились у него с Л. Г. Юрьевым, С. Н. Ерёминым и П. А. Волоцким.

Трудные годы войны, как известно, Театр имени С. М. Кирова провел в эвакуации в Перми, но и там шли полноценные спектакли, и даже состоялось несколько премьер, в частности, балета А. И. Хачатуряна «Гаянэ». В музыке этого балета большая нагрузка выпадает на медную и ударную группы, и Даниил Ильич вспоминал, что перед премьерой Хачатурян вдоволь накормил трубочей хлебом.

Послевоенные годы были годами расцвета таланта Даниила Ильича. Опять встреча с гением Прокофьева — премьера в 1946 году оперы «Дуэнья» под управлением Б. Э. Хайкина. Потом исторические постановки балетов «Каменный цветок» Прокофьева и «Легенда о любви» А. Меликова в хореографии Ю. Н. Григоровича, и еще одна встреча с А. И. Хачатуряном в балете «Спартак». (Даниил Ильич рассказывал коллегам, что после премьеры Хачатурян уже как следует «поставил» музыкантам, не ограничиваясь одним хлебом.)

В первые послевоенные годы Гинецинский стал самой заметной и незаурядной фигурой среди трубочей Ленинграда, поэтому вполне естественным было приглашение его в ряды преподавателей консерватории. Этому способствовал А. Н. Шмидт, по классу которого (после кончины А. Б. Гордона в 1942 году) Даниил Ильич в 1945 году окончил консерваторию. С небольшими перерывами Гинецинский с 1946 по 1964 год преподавал и на оркестровом факультете, где вел класс ансамбля, и на Военно-морском факультете, где у него был самостоятельный класс. Будущие военные дирижеры,

Рыцарь корнет-а-пистола Д. И. Гинецинский



как правило, должны были осваивать и игру на инструменте. С упразднением в 1956 году Военно-морского факультета Гинецинский остался в консерватории только в качестве преподавателя класса ансамбля и проработал до 1964 года. Примерно в эти же годы Гинецинский с радостью принял приглашение Е. А. Мравинского записать в составе оркестра Ленинградской филармонии партию корнета в «Итальянском каприччио» П. И. Чайковского. В 1973 году с этим коллективом он совершил большой гастрольный тур по США. В 1968 году Д. И. Гинецинскому было присвоено почетное звание «Заслуженный артист РСФСР», а в 1983 году в связи с 200-летием театра он был награжден орденом Дружбы народов.

В жизни оркестрового музыканта есть известная доля рутины, но по-настоящему творческому человеку всегда есть возможность ее преодолеть. В 1960-е годы группе музыкантов оркестра пришла идея исполнить Бранденбургские концерты И. С. Баха. Во втором концерте Бах использует трубу «кларино» in F очень высокого строя. Почти вся партия написана в третьей октаве и для обычной трубы или корнета это запредельный регистр. Тем не менее бесстрашный и увлеченный Гинецинский освоил эту партию на корнете и блестяще ее исполнил. Пожалуй, на тот момент он был единственным в стране трубачом, способным исполнить этот Концерт.

Особое место в творческой жизни Даниила Ильича заняло сочинительство. Обладая этим даром, он с огромной страстью отдавался композиторскому ремеслу и обогатил репертуар трубачей многими интересными сочинениями.

Музыкальный язык его произведений во многом отражает время, в котором он жил, его натуру — страстную и романтическую, где чувственность перекликается с поистине детской непосредственностью. Большинство

пьес предназначалось для юных трубачей — в том числе и его учеников. Через исполнение этих сочинений Даниил Ильич призывал развивать у молодых музыкантов самые востребованные качества трубача, такие как полнота звука, яркость и разнообразие фразировки, легкость исполнения фрагментов скерцозного характера. Эти пьесы написаны не без влияния музыки Скрябина, Глиэра, а также классика советского репертуара для трубы — Вячеслава Щёлокова. Названия произведений Гинецинского говорят сами за себя: «Героический этюд», «Элегия», «Баллада», «Поэма», «Юмореска», «Скерцино».

О человеческих качествах Даниила Ильича можно вспоминать и говорить бесконечно. Интеллигентный, скромный, внимательный и отзывчивый, истинный петербуржец — в нем никогда не было и малейшего налета звездности. В оркестре к нему почему-то приклеилось неизвестно кем выдуманное обращение — «дядя» или даже «дядька». При некоторой несуразности, в этом было скорее выражение особого уважения и в то же время — какой-то, по-русски, своей близости, доступности. Но при этом степень почитания со стороны коллег и дирижеров была высочайшая и непререкаемая.

Трубачи всего мира (а это — своеобразный интернациональный клан) особо почитают долгожителей в профессии и в жизни. К таким патриархам мы относим Адольфа Херсета, проработавшего солистом Чикагского симфонического оркестра до 80-ти лет, Мориса Мерфи из Лондонского симфонического, Сергея Попова — бывшего солиста оркестра Всесоюзного радио и телевидения, Дока Северинсена — ныне живущего джазового американского трубача и некоторых других. Все они, как и Даниил Ильич Гинецинский, вошли в бессмертную галерею трубачей-долгожителей, являя пример служения искусству и людям. Пройдет еще сто лет, но слава об их деяниях будет жить.